

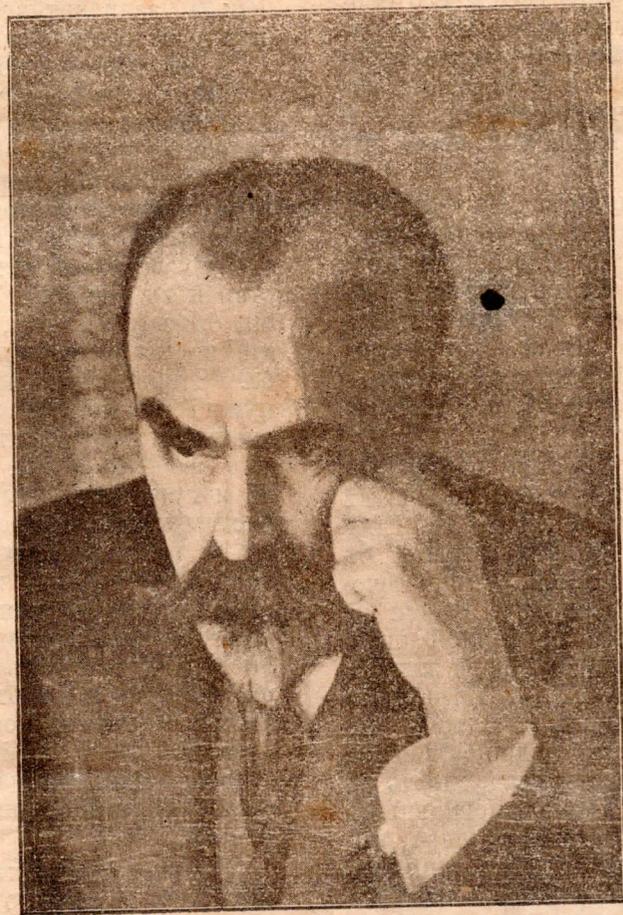
14

ДОМ ПЛЕА...
№ 5399.
Лист № 1
№ крэн. 68.19.2

ПАМ'ЯТИ

ГЕОРГІЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА ПЛЕХАНОВА.

Київъ, 29 іюня 1918 года.

† Г. В. Плехановъ, род. въ 1857 г. умер. въ 1918 г.

Г. В. Плехановъ.

I.

Смерть Г. В. Плеханова вызываетъ въ памяти развитіе общественной мысли Россіи за послѣднее полстолѣтіе. Неровно, не прямымъ путемъ шло поступательное движеніе общественной мысли Россіи. Путь этотъ былъ полонъ извилинъ, зигзаговъ, безсознательныхъ возвратовъ назадъ, беспомощныхъ шатаній въ разныя стороны, ошибокъ и заблужденій. И на всѣхъ поворотахъ русской общественной идеологии вырастаетъ могучая фигура основоположника русской социаль-демократіи, поучающаго, предостерегающаго, направляющаго на правильный путь прогресса. Далекое не всегда его поученія и предостереженія имѣли непосредственный успѣхъ. Далекое не всегда его слова находили открытыя уши. Но ни одно слово его не пропадало даромъ. Проходили годы, мѣнялись настроенія, отрезвлялись умы, счищались сердца,—и слова Плеханова находили свой отзвукъ...

И если теперь погасъ „свѣтильникъ разума“ пролетаріата и „перестало биться сердце“ честнаго русскаго гражданина — учителя, если теперь умолкли навсегда его вѣщія уста и больше не будутъ слышны въ Россіи его слова гнѣва и печали, его слова вѣры и предвидѣнья,—то... вѣдь и Россія погасла, и Россія замолкла...

Такъ нерѣдко сгущается и кристаллизуется многогранная жизнь народа въ жизни высокоодаренной личности. Такъ сплетаются иногда судьбы страны съ жизнью великаго человѣка. Такъ отмѣчены историческія переживанія Россіи за послѣднія десятилѣтія громадной творческой работой, богатой духовной жизнью и трагической смертью Г. В. Плеханова.

Россія лѣтъ тридцать пять тому назадъ. Беспомощно и бесплодно билась въ противорѣчіяхъ общественная мысль ея лучшихъ сыновъ. Сномъ могильнымъ спала духовная мощь народа, едва вышедшаго изъ рабства „по мановенію царя“. Никакой самоотверженный подвигъ не былъ оцѣненъ. Никакое любвеобильное и свободолобное слово не было понято. Плита восточной деспотіи гнуло къ землѣ всѣ творческія силы страны. Къ свободѣ рвались инстинктивно благородные

одинокіе люди. Къ свободѣ они хотѣли приобщить и свой народъ. Но часто они сами пугались ослѣпительнаго блеска свободы, и тревога за народъ, которому свобода не принесетъ равенства и социальной справедливости, лишила ихъ идейнаго покоя. Въ пылу героическихъ подвиговъ можно было тѣшить себя предположеніями о своеобразныхъ путяхъ Россіи, о томъ, что Западъ Востоку не указъ, о томъ, что въ Россіи свобода и социализмъ совпадутъ во времени. Героическіе подвиги прошли и въ сознаніи народа слѣда не оставили. Герои разбиты, а толпа, масса, осталась на своемъ привычномъ мѣстѣ, тупая, безмолвная, незнающая, и не желающая знать, о чемъ и во имя чего спорять одинокіе съ сильными міра сего.

И не могло жаждающее справедливости горячее благородное сердце примирить и сочетать борьбу за политическую свободу съ борьбой за социализмъ. Казалось, одно исключаетъ другое; казалось, выборъ долженъ быть сдѣланъ: либо борьба за политическую свободу, либо борьба за социализмъ.

А на другомъ полюсѣ общественной мысли Россіи, тамъ, гдѣ создавалась идейная защита реакціи, гениальный знатокъ извилинъ нездоровой человѣческой души, Достоевскій, выражалъ концентрированную идеологию консерватизма: „свобода и хлѣбъ земной вдоволь для каждаго человѣка вмѣстѣ немислимы“. Идеологъ старой византийски самодержавной Россіи былъ убѣжденъ, что при свободѣ люди не выработаютъ нужнаго имъ хлѣба. Чтобы обезпечить людямъ хлѣбъ, нужно установить надъ ними мудрую опеку, нужно лишить ихъ хотя бы части ихъ свободы. Свободные люди никогда не могутъ быть обезпечены хлѣбомъ. Либо хлѣбъ, либо свобода. Выбирайте, люди!

На противоположныхъ полюсахъ русской общественной мысли, на вершинѣ революціоннаго отрицанія и въ глубинѣ цѣпкой консервативной традиціи, томилась „одинокіе“ въ мукахъ противорѣчій: свобода и хлѣбъ, свобода и социализмъ. Казалось, Россія не найдетъ выхода изъ этого идейнаго лабиринта. Казалось, осуждены на бесплодіе героическія напряженія, изъѣденныя противорѣчіями.

Легко и понятенъ былъ возвратъ назадъ: отъ туманнаго деревенскаго социализма къ традиціонной самодержавной опекѣ. Ядъ сомнѣнія проникалъ въ душу. Поворотъ къ „малымъ дѣламъ“, отчаянье, практицизмъ, скептицизмъ, „поумнѣніе“, бесплодное подвижничество,

покорность всеильной судьбѣ—все это пестрѣло въ душахъ восьмидесятниковъ. А изъ глубины жизни выступалъ сфинксъ Россіи, требовавшій разрѣшенія загадки, сочетанія въ одинъ порывъ казавшихся противоположными стремленій, нахождения той точки, на которую вѣрно опирался бы революціонный архимедовъ рычагъ.

Смятеніе „одинокихъ“ и трагизмъ распутия, на которомъ очутилась общественная мысль Россіи, полностью пережиты были Плехановымъ. И онъ далъ отвѣтъ на запросъ русской жизни. Отвѣтъ былъ необычнымъ для того времени. Онъ шелъ „съ другого берега“, къ которому неохотно прислушивались „одинокіе“ въ Россіи. Но онъ былъ отвѣтомъ историческимъ, отвѣтомъ, загибающимъ страницу исторію и открывающимъ новую.

II.

Отвѣтъ, котораго ждала исторія, оказался до необычайности простымъ. Соціализмъ бѣзъ политической свободы немыслимъ. Кто хочетъ соціализма, тотъ долженъ прежде всего добиваться политической свободы. Ибо политическая свобода есть единственный путь къ соціализму. Не либо одно, либо другое, а одно черезъ другое: къ соціализму черезъ политическую свободу. Безъ политической свободы борьба за соціализмъ невозможна. Только на почвѣ политической свободы возможна успѣшная борьба за соціализмъ.

Какъ будто, мало тутъ новаго. Какъ будто, все это въ той или другой формулировкѣ было извѣстно русскимъ революціонерамъ того времени. И все-таки революція стояла на распутии...

Иначе и не могло быть — пояснял Плехановъ. Революціонная проповѣдь шла не по настоящему адресу. Революціонныя противорѣчія, отнимавшія всякую жизненность у революціоннаго дѣйствія, происходили не изъ случайнаго недомыслія революціонеровъ, а изъ противорѣчиваго положенія того класса, на которомъ строились тогда всѣ надежды революціи. Крестьянство—классъ угнетаемый и эксплуатируемый въ стрѣхъ самодержавной деспотіи, классъ, заинтересованный, поскольку онъ сознательнъ, въ торжествѣ демократіи и политической свободы, крестьянство совершенно неспособно использовать политическую свободу для борьбы за соціализмъ. Если отъ крестьянства, и отъ него одного, ждать выполнения заданій революціи, то можно отъ него ожидать: либо осуществ-

ленія политической свободы, либо осуществленія соціализма, соціализма своеобразнаго, крестьянскаго, консервативнаго, общиннаго, какимъ онъ тогда и рисовался въ Россіи. Либо одно, либо другое. То и другое для крестьянства неприемлемо. Осуществивъ политическую свободу, крестьянство по объективнымъ условіямъ своего бытія неспособно ни стремиться къ соціализму, ни желать его. Соціализмъ же крестьянскій можетъ быть введенъ лишь силой государственной опеки, силой власти, не мирящейся съ политической свободой. Въ крестьянствѣ должны дѣйствительно остаться непримиримыми соціализмъ и политическая свобода. И какъ бы ни былъ просвѣщенъ и прозорливъ революціонеръ, если точкой его революціонной опоры служить крестьянство, ему никогда не удастся охватить синтезомъ два стремленія, взаимно исключаютъ другъ друга.

Но сочетаніе возможно и необходимо, если революціонная проповѣдь обращена по вѣрному адресу, если она направлена къ революціонному классу современности, къ пролетаріату. Пролетаріатъ, въ противоположность крестьянству, въ состояніи осуществить свой соціализмъ только черезъ политическую свободу. Пролетаріатъ, въ противоположность крестьянству, достигнувъ политической свободы, получаетъ силу и возможность бороться за соціализмъ. Пролетаріатъ, въ противоположность крестьянству, не можетъ осуществить свой соціализмъ въ общественной обстановкѣ, лишенной политической свободы.

Въ корнѣ измѣнена должна быть революціонная теорія и революціонная практика Россія. Не въ крестьянствѣ лежитъ точка опоры для революціоннаго архимедова рычага, а въ пролетаріатѣ. И какъ бы малочисленъ, въ сравненіи съ сермяжнымъ моремъ крестьянства, ни былъ пролетаріатъ Россіи теперь, отъ него, и только отъ него, придетъ освобожденіе Россіи отъ ига самодержавія. „Русское революціонное движеніе восторжествуетъ лишь какъ движеніе рабочаго класса Россіи“?

А самобытность Россіи? Ея своеобразныя отличныя отъ Запада пути развитія? Плодъ незрѣлаго ума, отягощеннаго многовѣковымъ рабствомъ; идейное отраженіе экономической и культурной отсталости восточно-европейской равнины; отрыжка Азіи въ Россіи, уже два вѣка глядящей въ прорубленное окно въ Европу. Много еще Азіи въ Россіи; тяжелы послѣдствія монгольскаго ига. Но пути прогресса одинаковы для всѣхъ народовъ, приобщившихся къ цивилизаціи. И Рос-

ДОМ ПЛЕХАНОВА

6699
2
18.2

сиі нужно пройти, поскорѣе пройти, путь развитія Европы. Тѣ классы населенія, которые въ Европѣ двигали и двигаютъ впередъ человѣческое общество, тѣ классы, которые нашли выходъ изъ средне-вѣкового застоя въ полный движенія и силы современной европейскій укладъ, тѣ же классы и въ Россіи должны будутъ идти по тому же направленію, по слѣдамъ передового Запада. И всѣ силы истинныхъ друзей народа—на эту европейскую работу! Быстро должно вертѣться колесо исторіи Россіи. Ибо слишкомъ застоялась Россія въ тинѣ самодержавной деспотіи. И грозная рука уже пишетъ на стѣнѣ: Мукденъ и Цусима...

Еще не освободилась страна, еще бессмысленно—тупо народъ вѣренъ своимъ традиціоннымъ цѣлямъ. Но духъ народа освобожденъ. Снята печать идейной бесплодности съ общественной мысли Россіи. Уже нѣтъ заколдованнаго круга російской самобытности. Изъ идейной Россіи изгнана Азія. Заложены начала для всѣхъ европейскихъ возможностей: и для свободолюбиваго третьяго сословія, и для демократіи, и для національнаго возрожденія страны, и для освободителя человѣчества—пролетаріата.

Исторія Россіи, безпомощной, блуждающей, никакъ не умѣющей приобщиться къ жизни Европы—позади. Впереди Россія—благодарная ученица европейскихъ народовъ, идущая по вѣрнымъ ихъ стопамъ. Сталь возможнымъ русскій либерализмъ, стала возможной русская демократія, стала возможной русская революція, сталь возможнымъ русскій пролетарскій социализмъ.

III.

Россія охвачена идеями марксизма. Въ городѣ и въ селѣ, въ кабинетѣ ученаго и въ конспиративной квартирѣ революціонера, въ лачугѣ грамотѣя рабочаго и въ хатѣ сельскаго учителя—идеи марксизма революціонизировали умы. Всюду трепетала творческая радость провидѣнія быстрого развитія родины, которой не заказаны пути прогресса. Пророчества Г. В. Плеханова сбывались. Началось рабочее движеніе. Быстро ширились его размѣры. Нива народная требовала сѣятелей. Обильная жатва требовала жнецовъ. Десяностые годы.

Видѣлось, хотя смутно, въ непроницаемомъ будущемъ торжество революціи. Росло увѣренно движеніе рабочаго класса. Можно успокоиться. Улеглась святая тревога, будящая мысль и зовущая къ творчеству. Въ революціонное ученіе

вторгся мертвящій фатализмъ. Экономическая борьба, такъ планомерно ведущаяся, не есть ли она все? Все идетъ гладко, все обѣщаетъ успѣхъ. Зачѣмъ осложнять революціонную работу? Зачѣмъ напрасно стучаться въ закрытыя двери отвлеченной пропагандой политической свободы? Вѣдь въ концѣ концовъ все должно быть подчинено борьбѣ за экономическое освобожденіе пролетаріата? Пусть пролетаріатъ усердно ведетъ свою экономическую борьбу, и если онъ въ ходѣ своей борьбы встрѣтится съ необходимостью политической свободы, онъ ее возьметъ. Политическая борьба въ свое время придетъ, а пока рабочій классъ Россіи стоитъ еще на „стадіи“ борьбы экономической. „Экономизмъ“ заслонялъ марксизмъ.

Опасный поворотъ русской общественной мысли. Онъ сближалъ идеологію русскихъ революціонеровъ съ мѣщанскимъ пересмотромъ основъ марксизма, съ бернштейнствомъ. На Западѣ приспособляли марксизмъ къ обстановкѣ торжествующаго мѣщанства, а въ Россіи его отдѣльвали подъ вкусъ удовлетворяющагося мелкими побѣдами и успѣхами малозначительнаго пролетаріата. Одно шло на встрѣчу другому. Бернштейнство стало Евангеліемъ русскихъ „экономистовъ“.

Въ модернизированномъ, европеизированномъ видѣ возникла старая самобытно-русская альтернатива. Свобода и хлѣбъ, т. е. экономическая борьба и борьба политическая снова перестали сочетаться. Снова разорвалось идейное цѣлое революціи и рассыпалось на отдѣльныя „стадіи“.

Зрячій кормчій русской революціи, Плехановъ, первый увидѣлъ, на какую наклонную плоскость скатываются русскіе революціонеры, и во всеоружіи своего таланта и огромныхъ своихъ знаній всталъ онъ въ защиту марксизма, какъ отъ мѣщанскаго ревизионизма Запада, такъ и отъ дѣтскаго упрощенія русскаго „экономизма“. Эта апологія марксизма представляетъ собою событіе исторической важности. На заблужденіяхъ и ошибкахъ русской и международной социал-демократіи Плехановъ мастерски выяснялъ основныя идеи революціоннаго ученія современности, показывалъ внутреннюю его цѣльность и животворящую его силу для прогресса человѣчества.

Медленно ткеть старушка—исторія свою вѣчную ткань. Медленно, постепенно, мелкими шагами идетъ человѣческое общество впередъ. Медленно, но вѣрно, эволюціонно движется жизнь. Какъ природа, такъ и общество скачковъ не тер-

нить. Нѣтъ мѣста перевороту при правильномъ ходѣ развитія. Эволюція вытѣсняетъ революцію.

Такъ думали критики Маркса на Западѣ. Такъ усвоили себѣ марксизмъ русскіе „экономисты“. Чудовищно дикое пониманіе. Вивисекція марксизма. Лишеніе его духа живого. Доказать законмѣрность революціи, естественность общественныхъ скачковъ, доказать непреложную истину революціоннаго марксизма, или отбросить все ученіе, какъ негодную ветошь—третьяго не могло быть. И Плехановъ доказалъ.

Плехановъ понялъ, что недостаточно ссылаться на историческіе факты въ доказательство возможности и благотворности переворотовъ. Нетерпящая революціи узко-эволюціонная теорія должна быть вырвана съ корнемъ. И Плехановъ подошелъ къ основѣ этой мѣщанской мудрости.

Съ чего вы взяли, что природа скачковъ не дѣлаетъ? Развѣ не скачекъ превращеніе твердаго вещества въ жидкое, жидкаго въ газообразное и наоборотъ? Развѣ не скачками является скрытая теплота при превращеніяхъ состояній? Развѣ превращеніе одного вида энергіи въ другой не скачекъ? А живая природа? Органический міръ, развѣ онъ не знаетъ въ своемъ развитіи скачковъ, взрывовъ, переворотовъ? Развѣ общій эволюціонный путь происхожденія видовъ не проходитъ черезъ внезапныя превращенія, перевороты? А человѣческое общество? Мыслимо ли безъ переворотовъ его развитіе? Возможно ли предотвращеніе взрыва, когда вѣками накоплены взрывчатые вещества и искры сыпятся съ разныхъ сторонъ? Нѣтъ, эволюція не исключаетъ революціи; эволюція включаетъ революцію.

Медленно вертится колесо исторіи Россіи. Но нужно, настоятельно нужно, чтобы оно вертѣлось скорѣе. Плехановъ зналъ, что промедленіе здѣсь смерти подобно; онъ зналъ, что старую Россію ждетъ Цусима.

И онъ зналъ, что ускореніе движенія колеса исторіи—дѣло русской социаль-демократіи. И звалъ онъ къ работѣ, спѣшной, трудной, сложной, многообразной исторической работѣ, къ организаціи пролетаріата, къ просвѣтленію сознания русскихъ рабочихъ, какъ гражданъ Россіи и какъ членовъ международной пролетарской семьи.

Враждебно относились къ нему. Но пришло время, и слово Плеханова нашло свой отзвукъ.

IV.

Предгрозовая общественная атмосфера Россіи начала столѣтія. Революціонная энергія насыщаетъ сознание и волю. Чувствуется приближеніе значительныхъ дней. Назрѣваютъ событія, которыя должны на много лѣтъ опредѣлить судьбы Россіи. Рабочее движеніе послѣ многихъ зигзаговъ и колебаній взяло курсъ, предугазанный Плехановымъ, курсъ освобожденія Россіи отъ самодержавной деспотіи. Русская социаль-демократія разрастается въ сильную партію, первенствующую среди разнородныхъ образованной освободительной эпохи. Вѣрной рукой Плеханова успѣшно отражаются вновь посыпавшіяся на русскій марксизмъ удары со стороны ожившей крестьянско-бунтарской и интеллигентски-подвижнической идеологіи. Быстро движется колесо исторіи. Есть надежда, надежда прочная, что Россія успеетъ навестать упущенное, что она, хотя поздно, все-таки станетъ на путь цивилизованныхъ народовъ, путь, ведущій къ торжеству рабочаго движенія, къ социализму. Есть надежда, что благодаря марксизму, этой алгебрѣ революціи, усвоенной передовымъ отрядомъ освободительной арміи Россіи, чаша бѣдствій и несчастій, уготовленная исторіей для слишкомъ долго застоявшихся, въ азиатской дремотѣ странъ, минетъ нашу родину.

Но отсталой странѣ трудно подняться до вершины европейской революціонной мысли. Еще труднѣе удержаться на этой вершинѣ группамъ людей, духовно слабосильныхъ, неумѣющихъ тащить за собою вверхъ инертныя массы. Увы, недолго было расцвѣтъ русскаго марксизма, недолго было шестіе пролетаріата по указанному Плехановымъ пути. У предверья революціи успѣли повздорить между собою изъ-за пустяковъ слѣпые доктринеры и тщеславные микроцефалы, на которыхъ, по капризу исторіи, возложена была работа по организаціи русскаго рабочаго класса. Плехановъ понималъ опасность, грозящее безславное разложеніе русской социаль-демократіи. И онъ боролся то съ тѣми, то съ другими, доказывалъ бессмысленность расхожденій, взывалъ къ совмѣстной объединенной работѣ. Его не слушали ни тѣ, ни другіе. Отъ него ушли. Плехановъ остался одинокимъ.

Но такихъ людей, какъ Плехановъ, одиночество не обезсиливаетъ. Если его не хотятъ слушать, если отъ него уходятъ, то тѣмъ сильнѣе долженъ звучать его голосъ, тѣмъ убѣдительнѣе и на-

ДОМ ПЛЕХАНОВА

1399.

8

1912.

стойчивѣе его зовъ. Такіе люди, какъ Плехановъ, заставляють и враговъ слушать себя, умѣють будить мысль и революціонную совѣсть и въ умахъ безпомощныхъ доктринеровъ Онъ внимательно присматривается ко всеѣмъ извилинамъ, небогатаго идейнаго багажа меньшевиковъ и большевиковъ. Ни одна ихъ скудная идея не ускользаетъ отъ его взора. И неустанно разбираетъ, критикуетъ, противопоставляетъ ихъ убогимъ мыслямъ животворящія революціонныя мысли марксизма. Его мысли пробиваютъ себѣ дорогу въ Россію. Но только немногіе, не боящіеся дѣлиться со своимъ учителемъ участь одиночества, воспринимаетъ ихъ.

Грянулъ 1905 годъ. Съ поразительной точностью оправдываются все предсказанія Плеханова. Сбываются и его опасенія. Недоросліе до своей задачи руководятъ рабочимъ классомъ Россіи, сразу сбросившимъ съ себя бремя историческаго застоя. Русскіе социал-демократы путаются въ необычной революціонной обстановкѣ и путаютъ довѣршіяся имъ рабочія массы. Одни кричатъ — бойкотъ, другіе зовутъ къ какимъ-то самочиннымъ выборамъ. И тѣ и другіе мало задумываются о послѣдствіяхъ тѣхъ дѣйствій, которыя они рекомендуютъ массамъ. Лишь одна забота одолеваетъ ихъ — какъ бы не казаться малорадикальными, малореволюционными. Тутъ, естественно, не ко двору пришелся Плехановъ.

Но скоро вернулась къ нему русская социаль-демократія. Та часть ея (меньшевики), которая оказалась болѣе способной къ воспріятію марксизма, отбросила, хотя нѣсколько поздно, революціонную фразу и, вмѣстѣ съ Плехановымъ, принялась за работу политическаго просвѣщенія рабочаго класса Россіи.

V.

Лихорадочно быстро идетъ развитіе общественной мысли Россіи. Революціонныя событія съ головокружительной быстротой обгоняють другъ друга и требуютъ отвѣтовъ на жизненные запросы отъ русской социаль-демократіи. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ русская социаль-демократія даетъ требуемый временемъ отвѣтъ. Обычно она не распознаетъ политической обстановки, не выясняетъ себѣ обстоятельствъ времени и мѣста, а мчится отъ ошибки къ ошибкѣ, теряясь въ заблужденіяхъ и легкомысленныхъ бравадахъ. Голосъ Плеханова звучитъ

громко. Онъ указываетъ правильный путь при свѣтѣ марксизма. Онъ предостерегаетъ отъ переоцѣнки своихъ силъ и недооцѣнки силъ противника. Но его почти никто не слушаетъ. И разстрясенная телѣга революціи мчится безцѣльно черезъ пни и корчи и падаетъ разбитая въ щепки. Наступаютъ годы реакціи. Одумались многіе и поняли, что правъ былъ зрячій кормчій революціи.

Россія измучена и обезсилена реакціею и безуспѣшностью освободительнаго движенія. Революціонная общественная мысль все еще безпомощно бьется въ противорѣчіяхъ, отъ изгиба до изгиба, отъ поворота до поворота, забывая уроки прошлаго. На поворотахъ стоитъ фигура Плеханова. Но его рѣдко видятъ, рѣдко замѣчаютъ современники...

На измученную, обезсиленную Россію обрушилась міровая война. Зрячій кормчій революціи почувалъ *finis Rutheniae*, конецъ Россіи. И тревожно зазвучалъ его голосъ, какъ удары набата въ часъ общей опасности. Онъ звалъ къ защитѣ родины. Лишь малая часть русской социаль-демократіи вялая его зову. Большинство встрѣтило этотъ зовъ такъ же враждебно, какъ все его революціонныя призывы. Озорники революціи, ленинцы и полуленинцы, не болѣвшіе душой ни за Россію ни за судьбы русскаго пролетаріата, проповѣдывали беззаботность къ исходу войны и толкали Россію въ пропасть. Ихъ работа была легкая. Россія измучена была застоявшимся самодержавіемъ Россія уже стояла у пропасти. Нужны были героическія силы, чтобы спасти родину. Героическія усилія не нашлись. Голосъ Плеханова прозвучалъ въ пустынѣ. Россія погибла.

Finis Rutheniae! Зрячій кормчій революціи не выпустилъ руля изъ своихъ рукъ. Онъ стоялъ на своемъ посту. Но корабль, подточенный червемъ предательства, пошелъ ко дну. Съ нимъ погибъ и кормчій. На обломки Россіи свалился Плехановъ...

И. Давидзонъ.

Его завѣтъ.

Давно ползъ этотъ зловѣщій слухъ. — Г. В. Плехановъ умираетъ... Ни разу больше не увидѣть его прекраснаго во-

ра, такого остропроницательнаго, такъ чудесно постигавшаго глубь людей и вещей, не услышать его голоса, не прочесть его послѣднихъ строкъ поясненія и руководства...

Но не вѣрилось, до послѣдней минуты не вѣрилось, что не превозможетъ физической немощи эта титаническая мысль, эта несказанная духовная мощь, и погаснетъ огонь, такой яркій и прекрасный, единственный, на который могла держать путь спасенія погибающая, истерзанная родина.

Довелось иначе. И чувство острой скорби обгоняется другимъ, лихорадочнымъ и страстнымъ: какъ увѣковѣчить его память, какъ стать достойными называться его учениками, какъ соединить разрозненныя слабыя усилія, чтобы продлить дѣло его, исполнить его послѣдній, невыразимой мукой его умирающаго сердца полный завѣтъ—спасеніе родины.

Часто, услышать въ послѣднее время огульныя обвиненія социалистовъ, а съ ними и самой идеи социализма: это они довели до паденія страну, это разлагающее вліяніе ихъ ученія сдѣлало постыдное дѣло. И всякій разъ при этомъ неизмѣнно вспоминаются мнѣ пророческія слова Г. В. Плеханова. Когда Милюковъ привѣтствовалъ появленіе первыхъ социалистовъ въ составѣ нашего правительства, Плехановъ писалъ: „къ сожалѣнію, въ социализмѣ есть немало разновидностей. И только будущее покажетъ намъ, какой социализмъ вошелъ во Временное Правительство: утопическій или иной. Было бы очень печально, если бы Россія и ея союзникамъ пришлось расплачиваться за промахи утопической мысли“.

Опасенія мудраго вождя оправдались превыше мѣры. Но это ли даетъ право къ безпорядочному смѣшенію всѣхъ социалистовъ въ одинъ общій клубокъ? За промахи утопической мысли, потерявшей чутье къ реальной общественной обстановкѣ, шаткой, политически бездѣйственной, должна ли отвѣтствовать стальная мощная логика научно социалистической мысли? Сбмнѣвающіеся, если они искренніе люди и не расположены судить съ намѣренной предвзятостью, пусть заглянутъ въ номера „Единство“ и услышать твердый голосъ предостереженія и указанія, голосъ учителя социалъ демократіи, Г. В. Плеханова. Какъ часто звучалъ онъ наперекоръ общему хору славословящихъ революціонную демократію; какъ часто въ области революціонной фразы случалось ему быть

превзойденнымъ даже какой нибудь „Биржевкой“. Вспомнимъ, что центральный органъ меньшевиковъ, „Рабочая Газета“, счелъ возможнымъ бросить ему обвиненіе въ „постоянномъ брюзжаніи на русскую революцію“. Г. В. на это только отвѣтилъ, что въ области фразеологіи анархисты сдѣлали уже все человѣчески возможное. Книга судебъ нашей родины была предъ нимъ широко открыта. Развѣ не предупреждалъ онъ объ ошибкахъ въ аграрномъ вопросѣ, обращаясь къ крестьянскому съѣзду: „вамъ не понравятся мои слова, но что же дѣлать. Я не могу думать иначе. Вы сами найдете впоследствии, что мысль моя—правильная“. Развѣ не предупредилъ, что преувеличенныя, не отвѣчающія конкретнымъ условіямъ, требованія рабочихъ „сорганизуютъ только голодъ“, а неизбежный экономическій кризисъ поставитъ ихъ въ положеніе худшее, нежели раньше. И развѣ хоть одна буква изъ его указаній въ вопросахъ международной политики не сбылась на нашихъ глазахъ доподлинно? Такъ пусть же не говорить, что социалисты не понимали, куда вѣли. Наше несчастье, несчастье страны, закоснѣлой въ невѣжествѣ и вѣкахъ самодержавія, было лишь въ томъ, что истинныхъ, просвѣщенныхъ социалистовъ оказалось такъ мало, а безысходная темнота массъ требовала ихъ особенно много.

Но онъ ушелъ отъ жизни, ушелъ въ моментъ, когда и самыя утопическія головы повернулись къ нему за свѣтомъ, когда освященное жестокимъ опытомъ всякое слово его становилось откровеніемъ. Тяжко обездоленная страна приняла на себя новый смертельный ударъ, и сдается—безнадежно темно впереди...

Но звучать еще призывныя, будящія слова его, слова гнѣва и возмущенія противъ тѣхъ, кто изо дня въ день повторялъ: „Россія гибнетъ, Россія въ опасности“ почти съ тѣмъ же выраженіемъ, съ какимъ, взглянувъ утромъ въ окно, замѣчалъ: „дождь идетъ“. Это самое худшее изъ всего, что могло съ нами случиться,—негодоваль Г. В. Плехановъ, и звалъ исполниться трепетомъ, звалъ къ борьбѣ, не знающей усталости.

Нѣкоторыя газеты, чуждыя Г. В. Плеханову по направленію, въ прочувствованныхъ статьяхъ отдали дань великому человѣку. Но онѣ допустили серьезную ошибку.—Моментъ, когда большевистская банда, развращенная проповѣдью своихъ подлыхъ вождей, ворвалась къ Г. В. Плеханову и убивала его слабее тѣло, онѣ сочли за моментъ, принесшій

2399
 ДОС. ПЛЕХ. 2399
 4
 № 47. 19. 2

смерть его душѣ, его вѣрѣ въ идею и въ народѣ. служенію когорому онъ отдалъ всю свою жизнь.—Нѣтъ, слишкомъ великъ былъ его духъ, его идея, его вѣра! Вспомнимъ его собственныя слова тотчасъ послѣ пережитаго имъ потрясенія. „Я очень хорошо знаю, что это со всѣмъ не легкая задача,“—писалъ онъ, зова работниковъ на ниву народную, „Людымъ, берущимся за ея рѣшеніе, не рѣдко прійдется услышать рѣзкое слово порицанія и даже, можетъ быть, физически пострадать отъ тѣхъ, просвѣтитъ которыхъ они стремятся. Но съ этимъ надо заранѣе примириться. Кто беретъ просвѣщать сознаніе рабочаго класса, тотъ заранѣе долженъ быть освѣдомленъ о томъ, что онъ выступаетъ на ту дорогу, на которой его ждетъ больше терній, чѣмъ рукоплесканій. А главное, будемъ помнить, что съ какимъ бы недо-вѣріемъ ни относились къ намъ безсознательные,—пока еще, увн! слишкомъ многочисленныя,—работіе, они были и остаются нашими братьями, просвѣщенію которыхъ каждый изъ насъ обязанъ елужить до послѣдняго своего издыханія» *).

Неизмѣримо велика сокровищница даровъ, завѣщанныхъ имъ для поколѣній, и умѣть читать въ ней—большая задача. Но прочитавшіе—пусть не осмѣлятся отвернуться отъ долга—претворить слово въ дѣло. Пусть тѣ, которые стремятся стать вождями рабочаго класса, усвоятъ сначала, что есть два языка, на которыхъ съ нимъ можно говорить: „языкъ демагоговъ, добивающихся его расположенія, и языкъ его истинныхъ друзей, сознающихъ свою великую обязанность передъ нимъ“. Пусть помнятъ, какъ тогда, когда еще не было поздно, Г. В. Плехановъ наставлялъ Церетелли „избавиться отъ угара вредныхъ рукоплесканій“ и понять, что не въ приспособленіи къ предрасудкамъ массъ, а въ смѣлой и обличительной борьбѣ съ ними—его задача. Пусть поймутъ также тѣ, кто не перестаетъ твердить объ Интернаціоналѣ, что великая идея, представляющая синтезъ любви, не исключаетъ любви къ собственной отчизнѣ, иначе ее «пришлось бы назвать не интернаціональной, а антинаціональной».

Пусть помнятъ, что не расквашенное миролюбие Берты Зутнеръ,—«долой войну во что бы то ни стало», но ясное сознаніе борца за миръ между народа-

ми, понимающаго, когда и война можетъ стать дѣйствительнымъ орудіемъ, приведетъ къ достиженію этого идеала.

Пусть помнятъ, что историческій процессъ совершается не въ безвоздушномъ пространствѣ, а въ извѣстной исторической обстановкѣ, и оставлять стившее жизни и свободы Россіи „метафизическое рѣшеніе вопросовъ тактики“. Пусть поймутъ, что омертвѣлая догма, не выдерживающая испытанія жизнью, отъ движенія свѣжаго воздуха разсыпающаяся гнилостными кусками, не имѣетъ ничего общаго съ прекраснымъ ученіемъ, возвѣщающимъ братство людей и народовъ.

„Пропала Россія“—смертельной тоскою мучился Плехановъ въ послѣднія минуты своей жизни. Пусть же мука его, пусть жертва его не будутъ напрасны.

Пусть живетъ завѣтъ великаго, дорогого учителя.

Пусть тѣ, кто заняты судьбами російскаго пролетаріата, не забываютъ о судьбѣ російскаго государства, пусть помнятъ о Россіи! И тогда, на мѣстѣ пустомъ и уныломъ зашевелится жизнь, во имя его,—великаго патріота-соціалиста.

Елена Г—ъ.

Горе отъ ума.

Многіе товарищи мысленно склонились надъ могилой Георгія Валентиновича, и глубокія думы оплодотворяютъ ихъ души. Они умиротворенно охватываютъ всю человѣческую жизнь, и нѣтъ мѣста иссушивающей душу тоскѣ съ мертвыми вопросамъ: такъ, все кончено? Такъ, все одинъ лишь прахъ?

Нѣтъ! Надъ могилой нашего великаго учителя переживается горе, печаль, великая скорбь о разрушеніи столь крупнаго заданія природы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и умиленіе передъ величіемъ ея творенія и передъ ея вѣчными возможностями. Берега жизни раздвигаются, и тихо вѣрится въ осмысленность человѣческаго бытія.

И хочется думать, думать о безбрежномъ, великомъ, о тѣхъ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ мірахъ, о той законмѣрности, съ которой совершается все міровое, и о великихъ искателяхъ этой законмѣрности въ жизни природы и человѣчества...

*) «Наше Единство»—отъ 19 декабря 1917 г.

* * *

Неутомимый искатель, Георгій Валентинович Плехановъ, раздѣлялъ участь всѣхъ крупныхъ и честныхъ мыслителей: онъ былъ одинокъ.

Но онъ стойко, хотя и съ болѣзненной чувствительностью, относился къ своему одиночеству. Онъ зналъ, что каждая его новая мысль, вначалѣ отталкивающая отъ него его недавнихъ единомышленниковъ, въ концѣ концовъ будетъ понята и усвоена и претворится у пролетаріата въ вѣху по пути къ социализму.

Но послѣдній годъ своей жизни Георгій Валентиновичъ прожилъ въ неимоверномъ внутреннемъ волненіи. Его одиночество ему было невыносимо. Событія за событіями развертывались съ необычайной быстротой. Пролетаріатъ шель по невѣрному пути. Друзья пролетаріата, мнимые и настоящіе, двинулись за нимъ. Это угрожало бѣдствіями Россіи, русскому и международному пролетаріату. Сердце великаго борца дрогнуло. Сурово, но вмѣстѣ съ тѣмъ умоляюще, звучалъ зовъ нашего великаго учителя къ исполненію гражданскаго долга, къ защитѣ разслабленной самодержавіемъ родины. Но мнимые друзья пролетаріата бросили въ отвѣтъ крылатое словечко: „соціалъ-патріотъ“, и недоразвившійся пролетаріатъ съ крестьянской идеологіей радостно ухватился за это словечко, чтобы освободить свою совѣсть отъ докучливыхъ домогательствъ вѣрнаго гражданина и неподкупнаго социалиста.

И въ дикой лести мнимыхъ и настоящихъ, но неумныхъ, друзей пролетаріата завязли мудрыя, вѣщія слова великаго печальника земли русской. Напрасно онъ предостерегалъ пролетаріатъ не поддаваться соблазну и не мечтать о бунтарскомъ скачкѣ въ царство Божіе, — въ социалистическій строй.

Напрасно онъ призывалъ къ искреннему объединенію всѣхъ живыхъ силъ страны въ моментъ великой опасности для нея.

Напрасно онъ указывалъ на пагубныя послѣдствія работы многихъ социаль-демократовъ, разжигающихъ классовыя страсти и не развивающихъ классового самосознанія у рабочихъ. Напрасно онъ указывалъ на недопустимое смѣшеніе понятій: буржуазіи — класса восходящаго и буржуазіи — класса нисходящаго.

Барабанный бой большевиковъ, пронзительные свистки интернационалистовъ и словоизверженіе меньшевиковъ заглушили гласъ вопіющаго въ пустынь.

И усталый, измученный борецъ задалъ себѣ страшный, зловѣщій вопросъ: не слишкомъ ли поздно на этотъ разъ пролетаріатъ усвоить вѣрныя мысли? Не слишкомъ ли поздно для Россіи? Не погибнетъ ли Россія отъ роковыхъ, неправимыхъ заблужденій пролетаріата.

И болѣзненно, мучительно сжалось сердце Георгія Валентиновича?

Впервые смертельнымъ холодкомъ повѣяло на него отъ его вынужденнаго одиночества. и явилось чувство безсилія, немощи..

Это было не въ Финляндіи, гдѣ болѣзнь приковала его къ постели. Нѣтъ, это было раньше — въ Петроградѣ, гдѣ объединительный сѣзъ счелъ возможнымъ обойтись своими собственными силами и гдѣ крупная творческая сила нашего учителя оказалась ненужной и излишней.

Это было въ Петроградѣ, гдѣ тотъ же сѣзъ прибѣгнулъ къ недостойнымъ, хитрымъ софизмамъ, чтобы оградить меньшевистскія организациі отъ блокированія съ организацией «Единство», во главѣ которой стоялъ основоположникъ русской социаль-демократіи. Да, въ Петроградѣ, въ сердцѣ революціонной Россіи, среди организованнаго пролетаріата, среди социалистовъ всѣхъ толковъ и направленій, остался съ горсточкой друзей и единомышленниковъ, одинокимъ, идейно покинутымъ крупный мыслитель и великій социалистъ — Георгій Валентиновичъ Плехановъ.

Горе отъ ума!

Евг. Эттингеръ.

Г. В. Плехановъ въ Россіи послѣ побѣды революціи.

Это было въ началѣ прошлаго года. Въ Петроградѣ въ Народномъ домѣ шло засѣданіе „Конференціи Совѣтовъ“, залъ былъ переполненъ, ораторы выступали съ докладами съ мѣстъ; но ораторовъ слабо слушали, такъ какъ мысли присутствующихъ были заняты инымъ — все находились въ нервномъ ожиданіи Г. В. Плеханова. Повѣздъ изъ Торнео долженъ былъ прибыть въ 10 часовъ вечера, но опоздалъ на цѣлыхъ два часа. На Финляндскій вокзалъ вѣтчатъ Плеханова

ДОМ ПЛЕХАНОВА
№ 5399
Август № 5
№ 62. 19. 2

выѣхали: Чхеидзе, Церетелли и Скобелевъ: публика нервно посматривала на ту дверь на сценѣ, черезъ которую они должны были войти. Въ 12^{1/2} ч. ночи съ улицы раздались звуки марсельезы, звуки все больше и больше приближались и черезъ нѣсколько минутъ на сценѣ показались Плехановъ въ сопровожденіи президіума Исполнительнаго Комитета. „Товарищи, началъ Н. С. Чхеидзе, при гробовомъ молчаніи переполненнаго зала, передъ вами Г. В. Плехановъ, нашъ учитель; онъ получилъ, наконецъ, возможность, вы ему дали эту возможность, вернуться въ любимую имъ Россію и работать здѣсь на родинѣ, а не на чужбинѣ, на благо рабочаго класса. Г. В. Плехановъ проситъ меня передать вамъ, что онъ усталъ, что ему необходимо отдохнуть и что онъ надѣется скоро прибыть въ нашу среду въ качествѣ рядового великой россійской революціи... Громъ аплодисментовъ, звуки марсельезы были отвѣтомъ на рѣчь Чхеидзе. Г. В. Плехановъ стоялъ блѣдный и молча раскланивался во все стороны. Публика высыпала на улицу и, не обращая вниманія на дождь, съ криками провожала автомобиль, въ который усѣлся Г. В. Плехановъ. Была темная, сырая ночь, но на душѣ у всѣхъ было свѣтло и легко, и мерещились блестящія перспективы, одна ярче другой.

* * *

Это было на разсвѣтѣ 4-го іюля. Петроградъ фактически былъ въ рукахъ возставшихъ; по улицамъ бѣгали солдаты въ сѣрыхъ шинеляхъ съ криками: „долой войну, домой“. Изъ всѣхъ щелей выползали какія то темныя лица, развѣзжавшія по улицамъ и явственно исполнявшія опредѣленные порученія, чувствовалась подлинная контрреволюція. Таврической пережилъ кошмарную ночь, гарнизонъ постепенно переходилъ въ лагерь возставшихъ, со стороны пока помощь не приходила. Члены Ц. И. К. послѣ безсонной ночи, усталые, разбитые плелись по дворцу, передавая другъ другу чудовищные слухи. Въ это время въ комнатѣ Исполнительнаго Комитета появился Г. В. Плехановъ въ сопровожденіи, если не ошибаюсь, т. Фельдмана. Въ виду общей опасности создавшаяся было атмосфера отчужденія вокругъ Г. В. исчезла. Комната постепенно заполнялась, и Г. В. въ блестящей рѣчи, давъ тонкій анализъ происшедшему, требовалъ отрезвленія и **опредѣленныхъ ясныхъ дѣйствій**. Онъ требо-

валъ помнить о Россіи и разсматривать войну не съ точки зрѣнія псевдо-интернаціонализма, а съ точки зрѣнія реального соотношенія международныхъ силъ. Онъ требовалъ въ **интересахъ закрѣпленія побѣды революціи опредѣленной ориентаціи** и ей соответствующей линіи практической борьбы въ международномъ масштабѣ. Но уши слушающихъ, увы, были одержимы хронической глухотой и они отказывались вникать доводамъ разсудка и краснорѣчію фактовъ...

* * *

Это было въ Москвѣ на государственномъ совѣщаніи. „Правительство постановило выѣхать очереди предоставить слово страницѣ исторіи“—заявилъ Керенскій, и на трибуну по очереди подымались Брешко-Бренковская, Кропоткинъ и Г. В. Плехановъ. Но стояло только послѣднему начать свою рѣчь, блестящую по формѣ и глубокую по содержанию, какъ весь залъ почувствовалъ безтактность предсѣдателя, сдавшего въ архивъ исторіи вождя, временно оставленнаго заблудившейся арміей. Въ этой рѣчи былъ не только правильно поставленъ діагнозъ, но Г. В. своевременно напомнилъ и о прогнозѣ—о тѣхъ кошкахъ, которыя, увлеченныя дракой, остались при однихъ хвостахъ...

* * *

Декабрь м-ць того же года. Контрреволюція восторжествовала; идея народоправства повержена въ прахъ; власть въ рукахъ кучки демагоговъ при посредствѣ реакціоннаго крестьянства въ сѣрыхъ шинеляхъ фактически возстановляющихъ старый самодержавно-бюрократическій режимъ, армія разрушена, Россія приведена къ капитуляціи, закрѣпленной Брестскимъ договоромъ, Г. В. Плехановъ лежитъ больной, организмъ не въ состояніи больше выдержать этотъ ужасный ударъ: собственные ученики предали родину и то рабочее дѣло, которому онъ посвятилъ 40 лѣтъ своей жизни...

* * *

Это было двѣ недѣли тому назадъ. Вѣсть о кончинѣ Г. В. Плеханова быстро разнеслась по Москвѣ и Петербургу. Собраніе уполномоченныхъ фабрикъ и заводовъ сейчасъ же выдѣлило изъ своей среды похоронную комиссію. На всѣхъ

фабрикахъ и заводахъ рабочіе по своей инициативѣ устроили митинги, на которыхъ рабочіе ораторы съ горечью сознавались въ своихъ ошибкахъ и требовали возврата: „назадъ къ Плеханову“. На Семяниковскомъ заводѣ одинъ ораторъ большевикъ былъ сброшенъ съ трибуны за то, что отдѣлилъ прежняго Плеханова—Плеханова революціонера отъ Плеханова „Контрреволюціонера“. Въ Александровскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ Москвѣ десятитысячная толпа рабочихъ съ обнаженными головами, спѣвъ вѣчную память, съ грустью слушала оратора, спокойно излагавшаго предъ огромной аудиторіей взгляды Плеханова на войну и революцію и его предсказанія, такъ блестяще, къ сожалѣнію, оправдавшіяся. Въ связи съ возбужденіемъ въ рабочихъ массахъ заволновался „Совнаркомъ“ и сталъ придумывать мѣры, какъ бы воспрепятствовать тому взрыву народныхъ чувствъ, какой можетъ вылиться въ день похоронъ Г. В. Плеханова.

И опять спустя годъ слишкомъ потянулись къ Финляндскому вокзалу, на этотъ разъ, увы, встрѣчать уже не вождя и учителя В. В. Плеханова изъ Торнео, а прахъ его, прибывшій изъ санаторіи Пиркнариіи...

„Надо работать, говорилъ однажды Плехановъ, помня что до Палестины удалось добраться не тѣмъ крестоносцамъ, которые по своему невѣжеству, при видѣ каждаго новаго города, готовы были кричать: „Іерусалимъ, Іерусалимъ“, а тѣмъ, которые знали географію“. Рабочій классъ очень плохо усвоилъ географію и пошелъ за тѣми, которые или безсознательно по своему невѣжеству или сознательно обманывая его, вели его въ ложный Іерусалимъ. Сейчасъ начинается отрезвленіе, рабочіе, наученные горькимъ опытомъ, начали заниматься географіей общественнаго движенія. Пусть они усердно займутся этой наукой, и это будетъ лучшимъ памятникомъ на могилѣ великаго борца за рабочее дѣло Г. В. Плеханова.—

И. Левичъ

Группа Освобожденія Труда.

Г. В. Плехановъ.

П. Б. Аксельродъ

В. И. Засуличъ.

Л. Г. Дейчъ.

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ
№ 5399
истор. 68
Фиг. № 6
№ арх. 87. 19. 2

Воспоминанія о Плехановѣ.

Вначалѣ своей партійной дѣятельности мнѣ мало приходилось встрѣчаться съ именемъ Плеханова: я ничего не читалъ изъ его сочиненій и не выдѣлялъ его имени изъ ряда именъ другихъ болѣе или менѣе видныхъ социал-демократическихъ дѣятелей. Въ концѣ 1907 г. или въ началѣ 1908 года ¹⁾ въ „Голосѣ Соціал-Демократа“ мнѣ попала статья Плеханова, посвященная вопросу о пропагандѣ въ деревнѣ — названія ея я сейчасъ не помню. Статья эта указывала на ошибки нашихъ пропагандистовъ, которые мало говорятъ о настоящихъ нуждахъ деревни, но зато выставляютъ лозунги: „Долой царя!“ и т. п., не связывая ихъ съ интересами деревни, и имѣютъ поэтому слабый успѣхъ. Эта статья произвела на меня сильное впечатлѣніе. Вскорѣ мнѣ попала другая брошюра Плеханова, критикующая анархизмъ, сильно разившійся у насъ въ 1907—08 гг. Названія ея сейчасъ также не припомню. Изъ этой брошюры я очерпнулъ понятіе о классовой борьбѣ, которую марксизмъ ставитъ на мѣсто борьбы личностей и террора, который не только не приноситъ пользы, но приноситъ, напротивъ, прямой вредъ, ибо заставляетъ пролетаріатъ возлагать всѣ надежды на пришествіе какихъ-то героев — избавителей, а не на свои собственные силы, на свою классовую организованность, сплоченность и сознательность. Около этого времени сильное влияние имѣлъ на меня одинъ рабочій синдикалистъ, бывший с.-д. т. Исаакъ. Гораздо болѣе меня начитанный и развитой, онъ постоянно критиковалъ мои социал-демократическія убѣжденія. Въ спорахъ со мной онъ постоянно ссылаясь на то или другое положеніе Плеханова и критиковалъ его, часто извращая мысль автора. Этимъ онъ заставлялъ меня рыться въ сочиненіяхъ Плеханова; такъ, напримѣръ, въ поискахъ одного выраженія Плеханова, я перечиталъ „Современный Миръ“ за нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ, я прочелъ цѣлый рядъ произведеній Плеханова, которыя произвели на меня большое впечатлѣніе.

1908—1909 гг. были временемъ торжества реакціи въ Россіи и крайняго

пессимизма въ рядахъ революціонеровъ. Большинство моихъ товарищей совершенно опустилось и потеряло всякую надежду на будущее. Въ это время въ „Современномъ Мирѣ“ появляется рецензія Плеханова о какой-то книжкѣ подъ названіемъ „О пессимизмѣ въ буржуазной философіи Западной Европы“ (за точность названія не ручаюсь). Въ этой статьѣ Плехановъ доказываетъ, что пессимизмъ свойственъ буржуазіи, ибо будущее несетъ ей только паденіе ея власти: у нея нѣтъ ничего завтра, всѣ ея идеалы обращены назадъ, къ прошедшему. Рабочему-же классу несвойственъ пессимизмъ, ибо у него все въ будущемъ. Эта статья также производитъ на меня сильное впечатлѣніе.

Я начинаю покупать книги Плеханова — покупаю сборники: „Отъ обороны къ нападенію“ и „За двадцать лѣтъ“. Въ первомъ изъ этихъ сборниковъ статья о богоискательствѣ рѣшаетъ для меня проблему Бога и религіи; здѣсь-же я знакоплюсь съ бернштейнианствомъ и синдикализмомъ, понимаю, что эти весьма родственныя ученія одинаково вредны, ибо одинаково затемняютъ классовое сознаніе пролетаріата; здѣсь-же я наталкиваюсь на интересную статью о профессиональномъ движеніи „Маннгеймъ“. Во второмъ сборникѣ я знакоплюсь съ тѣмъ, что такое беллетристика и художественная литература; я вижу, какъ народники — беллетристы, вѣрно отражая жизнь, опровергаютъ свою собственную идеологію.

Въ 1911 году я прочитываю „Монистическій взглядъ на исторію“, въ 1912 г. читаю его вторично. Здѣсь я знакоплюсь съ философійю, понимаю роль пролетаріата въ борьбѣ за социализмъ и несправедливость упрековъ марксистамъ въ фатализмъ и вѣетизмъ. Въ томъ-же году я перечитываю „За 20 лѣтъ“ и болѣе основательно знакоплюсь съ политической экономіей съ точки зрѣнія с.-д. и; переѣзжая въ томъ-же году въ Москву, гдѣ я поступилъ въ университетъ Шанявскаго, я уже становлюсь „плехановцемъ“, слѣжу за его статьями, начинаю любить его и мечтаю о томъ, чтобы когда-нибудь его увидѣть.

Въ томъ-же году возобновляется революціонное движеніе, вмѣстѣ съ которымъ начинается и ликвидаторское теченіе и особенно яркое выявленіе большевизма. Я занимаю между ними неопредѣленное положеніе, не примыкая ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Въ это время мнѣ случайно попадаетъ нѣсколько №№

¹⁾ Я вообще не ручаюсь за точность приводимыхъ здѣсь датъ.

органа заграничной группы „За Партію“, возглавляемой Плехановымъ, и я при-
мыкаю къ партійцамъ и даже пытаюсь
совмѣстно еще съ нѣсколькими тт. ор-
ганизовать въ Кіевѣ въ 1913 г. группу
„партійцевъ“ изъ меньшевиковъ-партій-
цевъ, работавшихъ въ большевистской
организации. Въ №№ журнала „За Пар-
тію“ я нахожу статью Плеханова „Мѣ-
15-лѣтію Р. С.-Д. Р. П.“, рисующую роль
интеллигенціи въ расколахъ и произво-
дящую на меня сильное впечатлѣніе. Съ
началомъ войны 1914 г. я занимаю обо-
роческую, хотя и несовѣмъ опредѣ-
ленную, позицію. Вскорѣ получается теле-
грамма о томъ, что Плехановъ благо-
словидь оборону; это меня нѣсколько
укрѣпляетъ и поддерживаетъ въ спо-
рахъ, которые становятся очень страст-
ными, ибо въ Кіевскихъ профессиональ-
ныхъ союзахъ начинаетъ процвѣтать по-
раженчество. Вслѣдъ за тѣмъ получаю-
тся въ Кіевѣ нелегально 1-ое письмо Пле-
ханова „О войнѣ“ (къ болгарскому то-
варищу), которое дѣлаетъ меня созна-
тельнымъ оборонцемъ, а послѣ того и
2-ое письмо (къ сербскому социалисту),
обосновывающее его позицію съ точкзрѣ-
нія интересовъ международной с.-д.-чи,
которое совершенно укрѣпляетъ меня въ
моей позиціи. Къ этому-же времени я
прочитываю вышедшій I томъ „Исторіи
русской общественной мысли“.

Настаетъ революція. Въ первое вре-
мя мнѣ кажется, что разногласія с.-д.
фракцій стѣрты, и я стремлюсь къ един-
ству всей партіи. Вскорѣ получается теле-
грамма о томъ, что Плехановъ ѣдетъ
въ Россію, затѣмъ извѣстіе о томъ, что
его отъѣздъ отложенъ по болѣзни и, на-
конецъ, извѣстіе о пріѣздѣ его въ Пе-
троградъ.

Въ апрѣлѣ м-цѣ меня, какъ товарища
предсѣдателя рабочей группы Военно-
Промышленнаго Комитета, делегируютъ
въ Петроградъ узнать о положеніи ра-
бочей группы В.-Пром. Ком. Я ѣду въ
Петроградъ и, надѣясь увидѣть Плева-
нова, беру съ собой еще двухъ тт.—пред-
ставителей рабочей группы плеханов-
цевъ, образовавшейся въ Кіевѣ за годъ
до революціи. Въ пути я сомнѣвался,
удастся-ли мнѣ увидѣть Плеханова, т. к.
по его книжкамъ онъ представлялся мнѣ
очень суровымъ, а по нѣкоторымъ раз-
сказамъ—и большимъ бариномъ. Но это
свое мнѣніе я держалъ втайнѣ, боясь
подѣлиться съ тт. Пріѣхавъ въ Петро-
градъ, мы узнали, что Плехановъ съ
женой живутъ въ квартирѣ Н. И. Юр-
данскаго, не помню, на какой улицѣ. Мы
сейчасъ-же отправились туда, и чѣмъ

ближе мы подходили къ дому, тѣмъ бо-
лѣе повышалось наше настроеніе. Од-
нако, въ этотъ день насъ не приняли; намъ
сказали, что Плехановъ боленъ. Это гро-
извело на насъ тяжелое впечатлѣніе, и
я подумалъ, что мои опасенія оправды-
ваются. Тогда я началъ искать „протек-
цію“. Будучи знакомъ съ В. И. Засуличъ,
я отправился къ ней, и на другой день
вмѣстѣ съ ней мы на двухъ извозчикахъ
поѣхали къ Плеханову. Но и на этотъ
разъ насъ не приняли по той-же при-
чинѣ. Мы все-же посидѣли нѣкоторое
время, и жена Плеханова—Розалія Мар-
ковна—познакомила насъ съ гостями—
французской и англійской социалисти-
ческой делегаціей: тт. Мутѣ, Кашеномъ
и другими, фамиліи которыхъ я не пом-
ню. Мы разговорились, причемъ пере-
водчицами намъ служили жены двухъ
изъ членовъ делегаціи, оказавшіяся не
только русскими, но и кіевлянками. Де-
легація тоже не была принята Плева-
новымъ; и мое подозрѣніе, такимъ обра-
зомъ, отпало. Намъ былъ назначенъ
пріемъ на слѣдующій день въ опредѣ-
ленный часъ.

Мы явились очень точно, боясь опоз-
дать. Насъ приняла Р. М. и попросила
немного обождать. Вскорѣ открылась
дверь, и изъ нея вышелъ небольшой—
не выше средняго роста, немного сог-
бенный, очень худой человѣкъ съ впав-
шей грудью и съ просѣдью, одѣтый въ
визитку. По портретамъ мы ожидали уви-
дѣть полного, серьезнаго, суроваго че-
ловѣка. Потому мы не обратили внима-
нія на вошедшаго и продолжали сидѣть
и разговаривать. Р. М., очевидно, понявъ,
что мы не узнали Плеханова, сказала:
„Вотъ идетъ Георгій Валентиновичъ“.
Очень смущенные, мы встали и поздо-
ровались съ нимъ. Нашъ разговоръ я
плохо помню, т. к. я былъ тогда очень
взволнованъ и все время разсматривалъ
черты его лица. Помню, что мнѣ при-
шлось говорить больше всѣхъ и разска-
зывать о настроеніяхъ кіевскихъ рабо-
чихъ и о занятой нами позиціи, полу-
чившей полное одобреніе Г. В. Помню
еще, какъ во время бесѣды Р. М. под-
нялась и сказала, что нужно прервать
бесѣду. Видя, что Г. В. очень слабъ и
говоритъ очень тихо, я былъ очень до-
воленъ такой заботливостью. Тогда я
впервые ее замѣтилъ и съ тѣхъ поръ
она такъ часто проявляла себя, что я
вскорѣ понялъ, чѣмъ все мы обязаны
Р. М. Больше намъ на этотъ разъ бесѣ-
довать, однако, не удалось, ибо Г. В.
началъ сильно кашлять; однако, онъ вы-
шелъ къ намъ изъ комнаты, въ которую

было удалился, и хотѣлъ продолжать бесѣду; но мы съ Н. И. Юрданскимъ, видя его слабость, отказались; тогда онъ попрощался съ нами и очень радушно пригласилъ насъ навѣстить его еще разъ до отъѣзда, назначивъ намъ пріемъ на завтра. Выйдя отъ него, мы все были восхищены пріемомъ и очень много говорили о немъ; помню, что весь обликъ его поразилъ меня аккуратностью и какой-то духовной, „аристократичностью“; помню еще, что его пріемъ былъ подобенъ тому, какъ принимаетъ любящая мать своего долгожданнаго сына.

Придя на слѣдующій день къ Плеханову, мы встрѣтили уходившаго изъ его квартиры человѣка, который сказалъ намъ, что Г. В. боленъ и не сможетъ насъ принять. Такъ мы и уѣхали.

Вторично я видѣлъ Г. В. въ іюль, когда я пріѣхалъ въ Петроградъ на 1-ю Всероссийскую Конференцію Организации „Единство“, какъ делегатъ отъ кievской группы „Единство“. На самой конференціи Г. В., жившій въ то время въ Царскомъ Селѣ, по болѣзни не присутствовалъ. На 3-ій или 4-ый день конференции мы поѣхали къ нему для обсужденія вопросовъ объ отношеніи къ Стокгольмской конференціи и къ Совѣтамъ Рабочихъ Депутатовъ. Здѣсь мнѣ впервые довелось услышать Плеханова—оратора. Когда онъ вышелъ къ конференціи, тов. Стечкинъ изъ Самары, привѣтствуя его, очень много говорилъ о его болѣзни и желалъ ему „здоровья, здоровья, здоровья“.

По отвѣту Г. В. было видно, что онъ недоволенъ этимъ вниманіемъ къ его здоровью; тогда я впервые замѣтилъ, что онъ не любитъ, когда говорятъ о его здоровьѣ.

По вопросу объ отношеніи къ Стокгольму выступалъ т. К. И. Фельдманъ, который относился къ Стокгольму болѣе мягко, нежели остальные т.т. Во время рѣчи т. Фельдмана Г. В. сидѣлъ за круглымъ столикомъ рядомъ со столомъ президіума; на столикѣ были заранее приготовлены карандашъ и бумага, и Г. В. что-то время отъ времени записывалъ. Послѣ рѣчи т. Фельдмана онъ всталъ и взялъ слово. Онъ говорилъ болѣе 1/2 часа, не запинаясь и не заглядывая въ бумагу; его рѣчь напоминала его книги: такая-же она была ясная по мысли, обоснованная, настойчивая. Возражая т. Фельдману, онъ указывалъ на то отрицательное вліяніе, которое окажетъ созывъ Стокгольмской конференціи на бое-способность нашей арміи и указывалъ

что эта конференція ничего не дастъ, кромѣ „каучуковыхъ резолюцій“, которыя не подвинутъ дѣла мира. Г. В. говорилъ очень убѣдительно, сильно жестикулируя; въ этой позѣ, за круглымъ столикомъ, онъ сейчасъ стоитъ передо мной. Послѣ рѣчи Г. В. т. Фельдманъ и онъ сдѣлали еще краткія реплики, причѣмъ Фельдманъ говорилъ уже совѣмъ въ другомъ тонѣ. При голосованіи резолюція Г. В. прошла единогласно, и самъ Фельдманъ только воздержался отъ голосованія. Все это засѣданіе съ перерывами продолжалось часа 4.

На слѣдующій день мы снова пріѣхали къ Г. В. На этотъ разъ онъ выступалъ противъ тов. Г. А. Алексинскаго, рѣзко критиковавшаго дѣятельность Совѣтовъ Р. Д.; Г. В. признавалъ за Совѣтами крупное революціонное значеніе, совѣтовалъ относиться къ нимъ мягче и ограничиться указаніемъ на ихъ ошибки. Снова побѣдила точка зрѣнія Г. В.

Во время одного изъ перерывовъ Г. В. ушелъ въ столовую и позвалъ меня съ собой. Тамъ мы бесѣдовали о положеніи въ Кіевѣ, я узналъ, м. пр., что Г. В. самъ бывалъ въ Кіевѣ, въ старое время работалъ среди вокзальныхъ рабочихъ и знаетъ расположеніе улицъ на Соломенкѣ, кажется онъ даже говорилъ, что жилъ тамъ. Принимая меня по фамилии за украинца, онъ сталъ доказывать мнѣ, что украинцамъ не слѣдуетъ отдѣляться отъ Россіи; я съ трудомъ увѣрилъ его, что я вполне съ нимъ согласенъ, но во все наши слѣдующія встрѣчи онъ забывалъ объ этомъ и усердно доказывалъ мнѣ то же самое.

Послѣ 1-го засѣданія я спросилъ Р. М. гдѣ можно достать сочиненія Г. В., рассказавъ ей, что имѣвшійся у меня экземпляръ сборника „Отъ обороны къ нападению“ одинъ товарищъ взялъ у меня и не вернулъ; желая достать эту книгу, я обѣгалъ все петроградскіе магазины, но ея не досталъ. Оказалось, что Г. В. не привезъ съ собой ничего изъ своей библиотеки, и что Р. М. не знаетъ, гдѣ можно достать эту книгу. Въ этотъ-же пріѣздъ, но не отъ Г. В., я узналъ, что А. Ф. Керенскій и Б. В. Савинковъ пріѣзжали къ Г. В. съ предложеніемъ войти въ министерство, и что Г. В. далъ свое согласіе при условіи, если власть будетъ коалиціонной и если она поставитъ во главу угла и безъ всякихъ оговорокъ оборону страны; Г. В., м. пр., настаивалъ на приглашеніи въ мин-во И. Г. Церетели. Принципиальныхъ разногласій между Г. В. и министрами не обнару-

жилося никакихъ, но Г. В. предупредилъ Керенскаго, что Совѣты будутъ противодѣйствовать его вхожденію въ мин-во. Такъ оно и вышло: меньшевики—циммервальдисты изъ Совѣтовъ заявили на совѣщаніи въ Зимнемъ дворцѣ, что предпочитаютъ „10 буржуевъ—одному Плеханову“, и Керенскій, принявъ это во вниманіе, такъ и не далъ Г. В. портфеля.

По окончаніи 2-го засѣданія, когда всѣ расходились, Р. М. попросила меня обождать; Г. В. пошелъ въ другую комнату и оставилъ открытой дверь, черезъ которую я видѣлъ, что онъ пишетъ что-то на какой-то книжкѣ. Затѣмъ онъ позвалъ меня и преподнесъ мнѣ сборникъ „Отъ обороны къ нападенію“ съ собственноручной надписью; гдѣ онъ досталъ этотъ экземпляръ—я не знаю.

Въ третій разъ я встрѣтился съ Г. В. въ Москвѣ въ звугустѣ м-цѣ. на государственномъ совѣщаніи. Будучи на этомъ совѣщаніи, какъ делегатъ союза кievскихъ кооперативовъ „Гор. Потреб.“ и узнавши изъ газетъ, что Г. В. приглашенъ на совѣщаніе, я сталъ наводить о немъ справки. Въ справочномъ бюро въ 1-ый день мнѣ отвѣтили, что его нѣтъ. Тогда на 2-ой день я отправился въ министерскій павильонъ и тамъ увидѣлъ Г. В. съ женой и съ Вѣрой Ивановной Засуличъ. Г. В. обрадовался мнѣ, но онъ былъ очень разстроены и взволнованъ: я узналъ здѣсь, что Керенскій вызвалъ его телеграммой, а теперь заявилъ, что не можетъ дать ему слова, т. к. онъ не является представителемъ какой-либо группы; Г. В. очень волновался, и В. И. Засуличъ успокаивала его, увѣряя его, что слово ему будетъ дано. На 3-ий или 4-ый день совѣщанія Керенскій, дѣйствительно, предоставилъ ему слово, какъ представителю „страницы русской исторіи“. Когда Г. В. вышелъ на трибуну, я не узналъ его: онъ выросъ и точно переродился. Голосъ его звучалъ очень громко, онъ весь былъ точно народный трибунъ, горѣвший „святой заботой“ о „благѣ революціи“; во время рѣчи Г. В. очень сильно и красиво жестикულიровалъ; его жесты напомнили мнѣ жестикულიацію французскихъ ораторовъ, которыхъ я слышалъ въ Петроградѣ; рѣчь Г. В. была мягка по выраженіямъ, но настойчива по содержанию и дышала пророческой силой; содержаніе ея извѣстно изъ газетъ.

Послѣ рѣчи я не видѣлъ Г. В. Изъ газетъ я узналъ, что поѣздка очень плохо повліяла на него: онъ простудился, но возвращеніи въ Петроградъ слегъ и уже съ тѣхъ поръ почти не вставалъ.

4-ый и послѣдній разъ я видѣлъ Г. В. въ Петроградѣ въ сентябрѣ м-цѣ, когда я пріѣхалъ на Демократическое Совѣщаніе, какъ делегатъ отъ Кіевскаго рабочаго кооператива „Жизнь“ Г. В. былъ слабъ и очень привѣтливъ. На самомъ совѣщаніи онъ не былъ, хотя былъ делегированъ на него; его рѣчь была прочитана однимъ изъ членовъ нашей фракціи. Когда происходили выборы въ предпарламентъ, отъ нашей фракціи избраны были Г. В. и я; но я долженъ былъ на нѣкоторое время уѣхать изъ Петрограда. Узнавъ объ этомъ, Г. В. пригласилъ меня къ себѣ. Здѣсь онъ встрѣтилъ меня въ домашней обстановкѣ больного: онъ сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, въ креслѣ, укутанный пледомъ; передъ нимъ лежали развернутая книжка, бумага и карандашъ Г. В. былъ доволенъ моею рѣчью на совѣщаніи: онъ одобрилъ ту позицію, которую я въ ней занялъ, а особенно ему понравились моя смѣлость и настойчивость. Очень много говорили мы и объ украинскомъ движеніи; онъ не преминулъ опять убѣждать меня „не отдѣляться“ и предостерегалъ украинцевъ отъ ошибокъ, которыя использовалъ-бы германскій штабъ Г. В. считалъ, что между великороссами и украинцами вполне возможны братскія отношенія; здѣсь мнѣ вспомнилось, какъ въ одну изъ предыдущихъ нашихъ встрѣчъ Г. В. говорилъ, что даже въ случаѣ отдѣленія онъ не хотѣлъ-бы, чтобы великороссы пошли съ оружіемъ противъ украинцевъ, и указывалъ, что періодъ отдѣленія пройдетъ „самъ собой“. Въ этой-же бесѣдѣ я спросилъ Г. В., видѣлъ-ли онъ Маркса; съ большимъ сожалѣніемъ онъ отвѣтилъ мнѣ отрицательно, хотя Г. В. былъ за границей уже за 5 лѣтъ до смерти Маркса. Г. В. рассказалъ мнѣ, что онъ жилъ въ Швейцаріи, а Марксъ въ Лондонѣ, и что у него не хватило нѣсколькихъ франковъ, чтобы поѣхать къ Марксу.

Мы говорили очень долго—болѣе 2 час., и я боялся, что задержалъ его и утомилъ; поэтому я сталъ увѣрять, что я очень занятъ и спѣшу. Тогда онъ поднялся и очень горячо сталъ уговаривать меня остаться обѣдать, и нѣсколько разъ выходилъ изъ комнаты и просилъ Р. М. ускорить обѣдь: но я рѣшительно отказался.

Вскорѣ я узналъ, что нашей фракціи предоставили въ предпарламентѣ только одно мѣсто. Тогда я зашелъ къ Г. В. попрощался и передать ему мандатъ. Мандатъ я ему забылъ передать: онъ и по сію пору уменя. Но мы

ДОМ ПЛЕХ.

Минск, № 2394.

Коллекц. архива

Фонд № 8

№ хран. 67.19.2

съ нимъ пили чай и не долго бесѣдова-
ли. За нѣсколько времени до того Г. В.
говорилъ мнѣ, что намъ—кіевлянамъ—
придется, вѣроятно, подумать о томъ,
чтобъ перевезти его въ Кіевъ, ибо нѣм-
цы начинаютъ угрожать Петрограду, а
онъ рѣшительно не желалъ жить въ
окупированной нѣмцами странѣ. Въ этой
бесѣдѣ я усиленно приглашалъ его въ
Кіевъ, что дѣлалъ уже неоднократно,
указывая на преимущества нашего кли-
мата и на то, что въ связи съ наращи-
ваніемъ украинскаго движенія Кіевъ ожив-

ляется, какъ политическій центръ. Но
Г. В. рѣшительно отказывался, считая,
что онъ долженъ жить въ Петроградѣ.
Подъ вечеръ, часовъ въ 5 дня, я отъ
него ушелъ.

Послѣ того я неоднократно собирался
въ Петроградъ, и, зная его положеніе,
мы, кіевляне, дѣлали попытки перевезти
его въ Кіевъ или въ Крымъ. Но ни то,
ни другое не удалось, и мнѣ уже не
пришлось больше видѣть Г. В.

Т. Сѣмечко.

**Изданіе Кіевской Соціалъ-Демократической Органи-
заціи „ЕДИНСТВО“.**

Цѣна 1 руб.

Внѣ Кіева 1 руб. 40 коп.